
ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО ФУНКЦИИ (на примере алма-атинского локального текста)

Ж.А. Баянбаева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Проспект аль-Фараби, 71б, Алматы, Казахстан, 050040

В статье дается определение локального текста как научной категории, в частности даны научные разработки идеи ученых о локальном тексте. Раскрываются особенности локального текста в свете соотнесения его с теорией Пьера Нора о местах памяти, делается вывод о необходимости синкретизма краеведческого и литературоведческого дискурсов в исследовательской работе. В статье подробно изложены функции локального текста, значимые в формировании семиотического пространства города.

Ключевые слова: локальный текст, текст культуры, текст литературы, место памяти, образ места, пространство

Введение

Локальный текст — научная категория, несущая в себе повышенный исследовательский потенциал. С одной стороны, *внутри художественного целого* она *частично* пересекается с такими литературоведческими понятиями, как «хронотоп», «топос», «локус», поэтому может быть измерена в пространственно-временных параметрах. С другой стороны, локальный текст — это всегда парадигма, т.е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. Третий аспект рассмотрения — выход из фиктивного мира художественных произведений в реальный мир конкретного географического места. В этом случае исследование локального текста способно предоставить сведения об истории, культуре, менталитете, поведенческих характеристиках людей, представляющих ту или иную местность.

Локальный текст — это корпус «текстов о месте», благодаря которым само «место» наделяется рядом дополнительных характеристик. Впоследствии некоторые из них становятся константами (например, «призрачный миражный Петербург»).

Пьер Нора полагает, что локальный текст — это место памяти. С ним соглашается В. Коркунов: «Происходит соединение дискурсов, создание образа — локального текста. Места памяти. Объединяя реальные исторические события, биографии его жителей и тексты — средоточия памяти — мы получаем место памяти» [1]. В этом случае, по мнению Ю. Сорочана, исследователь имеет дело не с местом, а с «образом места» [2].

«Образ места» собирателен в силу того, что включает в себя самую разную информацию: историческую, краеведческую, биографическую, мифологическую, индивидуально-авторскую [3]. Это разомкнутая категория, которая может пополняться новыми коннотациями, в том числе и литературными. Отметим, что творчество одного автора (даже если конкретному топосу посвящены многочис-

ленные его произведения) формирует лишь определенный *слой* локального текста. Например, алма-атинский локальный текст репрезентирован в творчестве ряда художников: Н. Анова, Вс. Иванова, Ю. Домбровского, И. Щеголихина и пр. Вся совокупность подобных текстов и составляет *литературный* локальный текст Алма-Аты (или художественный его аспект).

«Роль художественной литературы в осмыслении локального текста основополагающая, поскольку только в художественной литературе локальные тексты достигают той высокой степени осмысленности и завершенности, которая вводит их в культуру», — пишет И. С. Абрамовская в статье «Проблема “локального текста” в русской литературе 19 века».

Символическая ценность локального текста несомненна, так как он — своего рода знак, манифест того или иного локуса, выполняющий функцию идентификации.

К вопросу о разработке категории «научный текст»

Научная разработка идеи о локальном тексте начинается еще с трудов Н.П. Анциферова, писавшего о символическом поле Санкт-Петербурга. Осмысление указанной категории продолжено в исследованиях тартуско-московской семиотической школы. Настоящим текстуальным «переворотом» стала статья В.Н. Топорова «Петербург и Петербургский текст в русской литературе». Заданное В.Н. Топоровым направление разделилось на две траектории. Первая, которую мы обозначим как эвристическую, сконцентрирована на поиске новых локальных текстов, представляющих культурную ценность; вторая, или теоретическая, призвана решать фундаментальные текстологические задачи.

Впервые понятие локального текста находим у В. Абашева: «Его [текст] следовало бы назвать локальным, поскольку он поставлен в соответствие локусу и формируется из его семиотических ресурсов» [4. С. 36].

Локальный текст, согласно исследованиям, формируется как вокруг городов (московский, петербургский, таллиннский и т.д.), так и вокруг регионов (сибирский, крымский и пр.), уездных/провинциальных «городков», экстранациональных локусов (лондонский, флорентийский). При этом локальный текст выступает одновременно как текст культуры (город как текст) и текст литературы. Именно такая позиция представлена в работах В.Н. Топорова, В. Абашева, Н.Е. Меднис и др.

Первый подход существенно шире второго, так как требует привлечения фольклорных, этнографических, исторических, географических и других источников.

Для локального текста характерны единство и семантическая связность. Несмотря на то, что это корпус текстов, за каждым из которых стоит свой автор, такой текст имеет *единое смысловое ядро*, под которым подразумевается не столько объект описания, сколько установка описания, или семантическая сверхзадача автора по отношению к дескрипции места. В отношении петербургского свертхтекста В.Н. Топоровым предложены также такие параметры, как кросс-жанровость, кросс-темпоральность и кросс-персональность [5]. Думается, что эти черты свойственны всякому локальному *тексту литературы*, так как образ

места всегда эксплицирован в системе жанров, в смене темпоральных ритмов, в различных авторских модусах.

Следует дифференцировать, на наш взгляд, понятия «сверхтекст» и «локальный текст». Сверхтекст максимально культуроцентричен, он может формироваться не только вокруг локуса, но и вокруг персоны (пушкинский, лермонтовский, гоголевский текст), темы (аполлонический, мунический, солярный тексты русской поэзии), концепта. Локальный текст в этом случае — один из типов сверхтекста.

Формирование как первого, так и второго типа текстов зависит от объективных и субъективных причин. Объективные причины, такие как ландшафтная самобытность, исторические коллизии, особая культурная значимость порождают вокруг локуса миф. В то же время важны и субъективные факторы, например, деятельность того или иного писателя. Роль Художника нельзя переоценить в формировании семиотической вселенной. «Образ места», созданный писателем, не только актуализирует реальность, но и порождает ее. Если образ оказывается интенсивным по силе воздействия на аудиторию, он транслируется впоследствии в творчестве других писателей, фиксируется и, в конечном счете, закрепляется на уровне ментальности целого сообщества (вспомним «туманный Альбион», увековеченный Тернером).

Самый интенсивный из локальных текстов русской литературы — это, безусловно, «петербургский», который может полноправно квалифицироваться как сверхтекст. Москва имеет устойчивый литературный образ, который тем не менее антиномичен. Если в источниках XVII в. Москва наделяется чертами города-спасителя, города-храма, то с возвеличиванием Петербурга ей отведена роль «русской провинции» (см., например, очерк Е.И. Замятина «Москва—Петербург»). Москва XXI в., по мнению М.В. Селемневой, — эпицентр капитализации государства. «Образ Москвы теряет семантику семейственности и патриархальности, вбирая в свое смысловое поле такие черты, как скорость, спешка, конкуренция, карьеризм, нажива, потребительство, индивидуализм, разобщенность, одиночество» [6. С. 94].

Так или иначе, именно за Петербургом и Москвой в русской литературе закреплён статус культурной *Ойкумены*. Гекатей Милетский подразумевал под ойкуменой освоенную человечеством часть мира. Впоследствии обозначение стало применяться к культурным центрам, за пределами которых не было значительного цивилизационного размаха. Действительно, если аналитически рассмотреть другие локусы русской литературы, их семантическая нагрузка будет снабжена такими смыслами, как «подземное царство/страна мертвых» (сибирский текст), «терра инкогнита», «вражеская земля» (например, кавказский текст), «край света». «Краем света» русскими писателями воспринималась и Алма-Ата. У Ю. Домбровского в «Хранителе древностей» на первых же страницах читаем: «У города Верного в то время была тревожная и плохая слава. Его знали как край света и гнездо землетрясений необычайной разрушительной силы, как город на вулкане» [7. С. 3]. Но Алма-Ата, как и Москва, породила вокруг себя гетерогенные по своей оценочности тексты. Будучи «краем света», Алма-Ата — это одновременно и «город-сад», «цветущий край».

Древнее городище Алмалык, на месте которого возник город Верный, было некогда центром Семиречья, разрушенным в результате феодальных войн и походов Тимура. К концу XVI в. сохранилась лишь небольшая его часть, где находились казахские аулы рода дулат Старшего жуза.

Для защиты южных границ Семиречья в начале 50-х годов XIX в. царская администрация издала указ о возведении специального военного укрепления. Майор М.Д. Перемышельский, который вел переговоры с народами, населявшими край, сумел добиться их сотрудничества. Крепость была сооружена на берегах реки Малая Алматинка. Из резолюции Николая I узнаем, что до возведения крепости урочище Алматы служило местом ссылки наряду с Сибирью. На документе генплана императором написано: «Согласен, но сосланных туда покуда не поселять». В то же время в «Петербургских ведомостях» читаем: «Наше укрепление растет не по дням, а по часам. И как ему не процветать в стране, благоприятствующей всеми дарами природы... Не пройдет десяти лет, как наше Верное превратится в обширный город, которому будут завидовать не только сибирские, но и русские города?..» — сказано в энциклопедии «Алматы». Эту дуальность («край света» / «благодатный край») мы еще не раз увидим как в творчестве Ю. Домбровского, так и в произведениях других русскоязычных писателей Казахстана (Н. Анова, Вс. Иванова, Д. Снегина и др.).

Функции локального текста

Обобщая вышеизложенное, отметим, что локальный текст выполняет целый ряд функций, каждая из которых значима в формировании семиотического пространства города (местности, края).

1. Кумулятивная функция. Накопление информации — одно из важнейших свойств любой знаковой сущности, будь это слово или текст. Когда мы говорим о сверткестовых единствах, кумуляция становится еще более интенсивной. Информация накапливается в локальном тексте на всех уровнях. Для писателей, возводящих определенное место в центр собственного творческого миропостижения, значимы любые данные — исторические, краеведческие, культурологические, географические, социологические. Эти данные могут быть как чисто фактографическими, так и модифицированными; в результате исследователь, имеющий дело с корпусом текстов «о месте», анализирует всю накопленную локальным текстом информацию.

2. Мифогенетическая функция. Ядро локального текста всегда окружено мифологическим пространством, причем группировка мифов осуществляется в этом случае по универсальным законам. Формируются мифы о «сотворении мира», или космогонические мифы (к которым относится, например, основание города); мифы об установлении миропорядка, или гармонизирующие мифы (историческое и культурное становление города); мифы о неконтролируемых силах природы, или хтонические мифы (город в столкновении со стихией); мифы о божествах и героях (исторические личности); мифы о конце света, или эсхатологические мифы (гибель города или разрушительное стихийное бедствие/историческое событие).

3. Концептуальная функция. В результате накопления информации и ее дальнейшей мифологизации локус генерирует определенное концептуальное пространство, особый фрагмент картины мира, репрезентированный в текстах.

Пространство в локальном тексте

Пространство наряду со временем и числом является одним из основных концептов каждой культуры. Исследователь и философ Спиркин полагает, что пространство — «форма бытия материи, характеризующаяся такими свойствами, как протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие» [8. С. 120]. Пространство многомерно, это одновременно форма мира и локализация человеческого существования. В работе «Пространство и текст» В.Н. Топоров рассуждает о двух модусах восприятия пространства. «Ньютоновское» пространство — «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися»; во втором случае (в концепции Лейбница) — «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования» [9. С. 228].

Каждая культура по-своему выражает свое отношение к пространству. Одним из источников такой репрезентации и является локальный текст.

4. Аксиологическая функция. Для каждого места характерны собственные нормы и ценности, механизмы регулирования общественного поведения, эталонные модели. Все вышеперечисленные аксиологические элементы могут быть обнаружены в составляющих локального текста.

5. Фатическая функция локального текста заключается в установлении контактов между представителями разных топосов. Знание «места», его истории, аксиологии и пр. создает необходимую презумпцию для вхождения в коммуникацию.

6. Интертекстуальная функция состоит в межтекстовой «переключке», в возникновении связей между литературными произведениями. Т.к. локальный текст — это всегда парадигма текстов, наличие подобных связей закономерно.

7. Символическая функция. Иногда в локальном тексте символом выступает сверхтопос — например, город (Москва, Киев, Петербург, Алма-Ата и т.п.). В других случаях символизации подвергаются атрибуты места, т.е. связанные с ним предметы живого и неживого мира. Такими знаковыми концептами могут стать «дерево», «гора», «плод» и т.д. Так, атрибуты-символы Алма-Аты — это «яблоко», «горы», «кафедральный собор» (трансформированное «дерево»), «тополь» (живое «дерево»).

У Домбровского читаем, что «тополь — главное дерево Алма-Аты»:

А над садами тополя. Потом я узнал — они и есть в городе самое главное. Без них ни рассказать об Алма-Ате, ни подумать о ней невозможно. Они присутствовали при рождении города. Еще ни улиц, ни домов не было, а они уже были.

Весь город, дом за домом, квартал за кварталом, обсажен тополями. Нет такого окна в городе, высунувшись из которого ты не увидишь прямо перед собой белый блестящий или черный морщинистый ствол. От Алма-Аты до Ташкента проходит большая дорога — день и ночь по ней мчатся грузовики. Но называется она не улица, не шоссе, не дорога, а просто — аллея. “Ташкентская аллея”, — говорят алмаатинцы. И в самом деле, огромный сотнекилометровый тракт — всего-навсего только одна большая тополевая аллея [7].

Уже на первых страницах «Хранителя древностей» Алма-Ата предстает перед читателем в двойственном облике: это и цветущий Город-Сад, и Край Света,

сотрясаемый землетрясениями. Однако корреляций с *мотивом цветения* в тексте романа значительно больше:

Здесь я увидел, что зелень в этом городе расположена террасами, первый этаж — вот эти акации. Над акациями фруктовые сады, над садами тополя, а над тополями уже только горы да горные леса на них. Вот сады-то меня и путали больше всего: подика разберись, где ты находишься, если весь город один сплошной сад, — сад яблоневый, сад урючный, сад вишневый, сад миндальный — цветы розовые, цветы белые, цветы кремовые [7].

Одним из константных описательных (пейзажных) элементов в романе становится *дерево*. Как отмечает М.А. Маслова, «будучи природным символом, дерево во многих культурах стало знаменовать динамичный рост, природное умирание и регенерацию... Растения, трава, деревья, по преданиям древних, обладали сверхъестественной силой — как целительной, так и разрушительной. В основе этих представлений — архетип дерева-тотема» [10. С. 161].

Дерева-тотемы представлены практически во всех мифологических картинах мира. У древних скандинавов таким деревом выступал ясень — ось мироздания, у номадов — Великий Тополь (Байтерек). Неслучайно *тополь* по сей день несет в себе отпечаток мифологического мышления в культуре казахского этноса.

Еще одно универсальная черта *дерева* как архетипа — наличие семантического элемента «жизнь» (ср.: мировое древо, древо жизни). Действительно, дерево исходит из недр Матери-Земли. По мнению Агапкиной, особо тесная связь у человека с плодоносящими деревьями, т.к. такое дерево больше принадлежит миру культуры, чем миру природы [11. С. 84]. Таким деревом-символом для Алма-Аты является *яблоня*. *Тополь* и *яблоня* — символические корреляты Алма-Аты. Такими они предстают и в романе Домбровского.

Заключение

Таким образом, исследование локального текста способствует получению сведений о культуре, истории, национальных образах и характеристик людей — представителей определенной местности. Следует отметить, что локальный текст литературы суммирует все знания писателей о том или ином месте, представленные в корпусе текстов, этому месту посвященных.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Нора П.* Проблематика мест памяти / Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 39.
- [2] *Сорочан А.Ю.* Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. С. 6.
- [3] *Коркунов В.* Локальный текст: к вопросу объединения исторического и биографического контекстов // Дети Ра. № 7 (117). 2014. <http://magazines.russ.ru/ra/2014/7/12k.html>
- [4] *Абашев В.* Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского университета, 200. 404 с.

- [5] *Топоров В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // *Метафизика Петербурга: петербургские чтения по теории, истории и философии культуры.* СПб., 1993. Вып. 3. С. 205—235.
- [6] *Селеменова М.В.* Литературный образ Москвы в творчестве современных российских писателей // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Литературоведение и журналистика».* № 2. 2016. С. 94.
- [7] *Домбровский Ю.* Хранитель древностей. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.: Издательство «Терра», 1992 г. // <http://lib.ru/PROZA/DOMBROWSKIJ/keeper.txt>
- [8] *Спиркин А.Г.* Основы философии. М.: Политиздат, 1988. 592 с.
- [9] *Топоров В.Н.* Пространство и текст // *Текст: семантика и структура.* М.: Наука, 1983. С. 227—284.
- [10] *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 296 с.
- [11] *Агапкина Т.А.* Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // *Славянский и балканский фольклор.* М.: Наука, 1994. С. 84.

TO THE QUESTION OF THE LOCAL TEXT AND ITS FUNCTIONS (on the example of the almaty local text)

Zh.A. Bayanbayeva

Kazakh national university of al-Farabi
Al-Farabi's prospectus, 716, Almaty, Kazakhstan, 050040

In article definition of the local text as scientific category, in particular scientific developments of idea of scientists about the local text are given is given. Features of the local text in the light of his correlation with Pierre's theory Nora about places of memory are unveiled, the conclusion about need of syncretism of local history and literary discourses for research work is drawn. In article functions of the local text, significant in formation of semiotics space of the city are in detail stated.

Key words: local text, text of culture, text of literature, place of memory, image of the place, space

REFERENCES

- [1] Nora P. Problems of memory locations / France memory. SPb.: Publishing St.-Petersburg University, 1999. P. 39.
- [2] Sorochan Yu. Tver Region in the literature: the image of the region and regional images. Tver: Publisher M. Batasovoy, 2010. S. 6.
- [3] Korkynov V. *Lokalnii tekst: k voprosy obedineniya istoricheskogo i biograficheskogo kontekstov* [Local text. To the question of uniting histopical and biographical contexts] . *Deti Ra.* № 7 (117). 2014. <http://magazines.russ.ru/ra/2014/7/12k.html>
- [4] Abashev V. *Perm kak tekst. Perm v rysskoi kyltyre i literatyre XX veka* [Rerm as a Text Perm in Russian culture and Literature of the XX-th Century]. Perm: Izd-vo Permskogo univertsiteta, 2000. 404 p.

- [5] Toporov V.N. Peterbyrg i peterbyrgskii tekst rysskoi literatyri [Petersburg and petersburg text of Russian Literature]. *Metafizika Peterbyrga: peterbyrgskie chteniya po teorii, istorii i filosofii kylytyri* [The metaphysics of Petersburg: Petersburg readings on theory? History and philosophy of culture]. SPb., 1993. Vip. 3. P. 205—235.
- [6] Selemeneva M.V. Literaturnii obraz Moskvi v tvorchestve sovremennih rossiiskih pisatelei [Literary image of Moscow in Modern Russian Literature]. *Vestnik dryjbi narodov, seriya literaturovedenie i jyrnalistika* [Bulletin of Russian Peoples' University]. № 2. 2016. P. 94.
- [7] Dombrovskii U. Keeper of Antiquities. Collected works in six volumes. V. 1. M.: Publishing house "Terra", 1992. <http://lib.ru/PROZA/DOBROWSKIJ/keeper.txt>
- [8] Spirkin A.G. *Osnovi filosofii* [The foundation of Philosophy]. M.: Politizdat, 1988. 592 p.
- [9] Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [The Space and the Text]. *Tekst: semantika i stryktura* [The text: Structure and Semantics]. M.: Nauka, 1983. P. 227—284.
- [10] Maslova V.A. *Vvedenie v kognitivnyu lingvistiku* [Introduction to the cognitive linguistics]. M.: FLINTA: Nauka, 2016. 296 p.
- [11] Agapkina T.A. Beliefs and rituals of South-Slavs, associated with fruit trees, in Slavonic perspective. Slavonic and Balcan Folclore. Moscow: Science, 1994. P. 84.